

УДК 930

**«ЕВРОПА ЕСТЬ СОБСТВЕННО ПОЛУОСТРОВ АЗИИ...»:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ СЛАВИСТИКИ XIX ВЕКА**

Н.И. Недашкова

Аннотация

В статье на материале научных текстов российской славистики XIX в. рассматривается процесс превращения географических представлений, связанных с расселением славянских племен в Европе, в идеологемы национального строительства. Осуществляется попытка их типологии и деконструкции в контексте развития общественной мысли имперской России XIX в.

Ключевые слова: история славистики, национальное возрождение славян, происхождение славянских племен, пространственная идеологема.

Славяноведение как особая наука, комплексно изучающая славянский мир, формировалось на рубеже XVIII – XIX вв. в Европе и России в русле целого ряда интеллектуальных проектов «Национального Возрождения» славянских народов (см. [1–3]). Ученым принадлежала ведущая роль в процессе создания идеологем¹ славянского нациестроительства и их трансляции в «массовое» научное и общественное сознание. В данной статье мы не ставим цели воссоздания хронологии достижений славяноведения или сопоставления этических оценок его культурных практик. Представляется, что исследовать роль ученых в создании национальной славянской идентичности более продуктивно через историю создания и функционирования идеологем, а, следовательно, разновидностей присвоения дискурсов и манипуляции ими. Исследования, в которых в той или иной степени реализуется такой подход, уже проделаны независимо друг от друга на чешском и польском материале (см. [4, 5]). История российской науки имеет уникальную специфику, формируется на основе других интеллектуальных, идеологических и политических интенций и до настоящего времени таким образом не изучалась.

Независимо от сферы специальных интересов славяноведов России и Европы в их научных текстах можно выделить ряд ключевых идеологем, которые были сформированы уже в первые десятилетия существования славяноведения как науки и являлись конструктом как научных институций, так и индивидуальных исследований всего полидисциплинарного методологического комплекса

---

¹ Идеологема – объективно существующая форма идеологии, ее социально-эффективный символ (см. [4]). Ю. Кристева использовала этот термин для исследования и описания идеологии. Идеологема определялась ею в качестве «интертекстуальной» функции, придающей тексту социальные и исторические координаты, а также связывающей текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство (см. [5]).

славяноведения. Это: 1) «национальность» (то есть вопрос о происхождении) церковнославянского языка; 2) роль и место славян во всемирной истории; 3) современная история славян, их войны за независимость.

Эти идеологемы позволяли структурировать комплексный ответ всего славяноведения на вопрос о существовании «славянской взаимности», то есть были направлены на доказательство, что конструируемый предмет – «славянский мир» – действительно существует. Они взаимосвязаны и представляют в корпусе текстов некую систему.

В основе системы – языковые исследования, создающие методологический стержень комплексного изучения славянского мира. Утверждение значимости славянства в истории христианского мира обеспечивает конструируемому объекту наличие прошлого. И, наконец, осмысление роли войн за независимость позволяет наделить его настоящим и прогнозировать «большое» будущее.

При этом показательно, что не только последняя (военная) тема, но и две других выполняют заведомо дискommunikативную функцию – функцию разделения Европы на «свое» и «чужое».

Конструирование славянской идентичности выстраивалось прежде всего по принципу языкового, затем – исторического, культурного и, наконец, – территориального единства. Пространственные идеологемы, определяющие географическую «расстановку сил» в национальном возрождении славян, предназначены для того, чтобы сделать славянский мир видимым. Норвежский исследователь Айвер Нойман убедительно доказал, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым, согласно теории Б. Андерсона, воображаются нации [8].

В книге Ларри Вульфа «Изобретая Восточную Европу» показано, что с точки зрения западноевропейской мысли, до второй половины XVIII в. не существовало деления на западную и восточную Европы – актуальным было деление на северную и южную [2]. Затем просветительская (и, вслед за ней, романтическая) мысль породила две интерпретации «славянскости»: если Гердер видел в «цивилизационной молодости» славян основу для надежд на их славное будущее, то у большинства других авторов это служило основанием для закрепления за славянами места на нижних ступенях иерархии европейских народов [9, с. 284]. В результате в XIX в. уже преобладало дихотомическое деление Европы на Запад и Восток, на цивилизованную и полунцивилизованную, или, что часто было более важно, полуварварскую часть, куда вместе с Россией были записаны Запад и Польша, и Чехия, и Венгрия. Именно концепция Гердера легла в основу пространственных идеологем, построенных российскими славистами в их научных трудах и публицистических текстах.

Академическое славяноведение (академик А.Х. Востоков и его прямые наследники, ученики А.Х. Востокова, представители первого поколения университетских славистов В.И. Григорович, И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, П.И. Прейс) в своих трудах европейской (немецкой) «редакции» концепции Европы противопоставило концепцию славянского мира (см. [10]).

Вопросы о происхождении славян и их историческом единстве, зрелости славянских культур, их роли в мировой истории, особой миссии в будущем Европы получали «вторичное» решение в исследованиях, посвященных славянским

литературам и истории. Установка на отторжение от «чужих» европейских культур реализовывалась в теоретических введениях к исследованиям. Например, П.И. Шафарик в «Славянских древностях» (*Slovanske Starozitnosti*, 1836) ставил задачу доказать в противоположность немецким историкам «старобытность славян в Европе» [11, с. 289]. В.И. Григорович начинает свой труд «Обозрение славянских литератур» с утверждения: «Род Словенский также древен в Европе, как и германский» [12, с. 3].

Можно выделить два основных направления их поисков. Для чешских ученых характерен преимущественно ретроспективный, для российских¹ – перспективный взгляд. По мысли Копитаря, Шафарика, Юнгмана, славянство в прошлом уже имело значение «всемирности», которое необходимо реконструировать, очистив культуру от иноплеменных влияний. Культурное взаимодействие означало для них постепенное растворение в стихии «чужого».

Для В.И. Григоровича славяне – на пути к всемирности, а Россия – «собирательница» славянских племен. В «Опыте изложения литературы словен...» он пишет: «Не приписывая роду нашему важное и уже достигнутое значение в человечестве, мы одушевляемся мыслью, что он постоянно стремится к возвышенной своей цели» [12, с. 6]. Григорович утверждает не отличие, а тождество «главной идеи» славян с другими европейскими племенами, данной им Христианством: «С сознанием Христианисма начинается... история <славян> по отношению к человечеству» [12, с. 8].

Соответственно различными оказываются и оценки исследователями отношения европейских и, в том числе славянских, народов к «народам-основателям» (Гердер). Так, для Копитаря, Юнгмана важно утвердить влияние и преемственность со стороны культурно, территориально и исторически удаленных латинского, греческого и санскрита, которая воспринимается как знак равноправия славян с другими европейцами.

Для Григоровича опосредованные взаимосвязи с античным миром являются одной из особенностей, формирующих путь славян в мировую историю. Различие путей германских и славянских обусловлено «особенным характером племен, определяемых местностью и отношениями, непосредственными и посредственными к древнему миру» [12, с. 9]. Таким образом, славяне в концепции Григоровича оказываются вписаны в европейскую историю и наделены своей особой миссией в ней², тогда как, по мысли пражских ученых, славянство оформляется через противопоставление другим европейским народам.

Однако важно, что в обоих вариантах речь идет о «дележе» Европы и европейскости: «всемирность» для славистов – это именно европейскость, славяне в европейской истории – это славяне в Европе.

С 40-х годов XIX в. славяноведение как интеллектуальный проект последовательно институционализируется в России, его идеологемы начинают широко

¹ Необходимо отметить, что среди российских представителей первого поколения университетских славяноведов методологией науки занимался только В.И. Григорович, поэтому мы не рассматриваем труды других его современников.

² Необходимо обратить внимание, что подход В.И. Григоровича позволил ему решить более частные проблемы изучения славянских культур. В.И. Григорович – автор единственной до наших дней истории славянских литератур, построенной на принципе типологического их родства и включенности в европейский литературный процесс.

транслироваться в общественное сознание и присваиваться властью, в результате чего получают активное развитие различные варианты панславизма. При этом в самой науке уже в эпоху великих реформ происходит методологический разрыв: университетские и академические слависты второго (В.И. Ламанский, А.Ф. Гильфердинг, М.П. Петровский и др.) и последующих поколений отказываются от предложенной творцами славяноведения модели методологического синтеза, при котором славянские культуры в их историческом развитии осмысливались как единый текст, прочитываемый славяноведением с помощью инструментария целого ряда гуманитарных наук. Как показала история науки, с середины XIX столетия была избрана стратегия накопления фактов и последующей все большей специализации. Это развело в методологическом плане последующие поколения славяноведов с самым первоначальным проектом науки – славяноведческий комплекс сохранялся лишь на уровне декларации, придающей славистике особый идеологический интерес, и позволяющей оставаться внутри процесса нацистроительства. Показательно, что в результате этого кризиса особенно резко меняются трактовки пространственных идеологем, так как до этого они были наименее агрессивными, наиболее абстрактными из всей типологии.

Наглядным и самым заметным примером здесь можно считать «географические» или геополитические труды известного слависта, академика В.И. Ламанского: магистерскую диссертацию, вышедшую отдельной книгой «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» (СПб., 1859), его докторскую диссертацию «Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе» (СПб., 1865), работу «Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях» (СПб., 1865), и, наконец, самый известный труд «Три мира Азийско-Европейского материка» (СПб., 1892) (см. [13–19]).

Совершенно не случайно во многих историографических исследованиях XX в. они осторожно называются «в какой-то мере публицистическими» (см. [21]), хотя по формальным признакам совершенно однозначно должны быть отнесены к научным жанрам. Пространственная идеологема, разработанная В.И. Ламанским, в целом описана исследователями его творчества [21, 22]. Однако привлекательно здесь не столько, что он говорит, сколько, как он это говорит, какова его стратегия присвоения научного дискурса.

Структура указанных работ во многом напоминает построение вольтеровской философской повести: в название работы выносятся четкий и простой по формулировке важнейший тезис, как например: «Три мира Азийско-Европейского материка». Затем он будет формально развернут в самом начале работы, автор сразу предъясняет читателю основную мысль работы – радикально панславистскую, и, на первый взгляд, субъективную: «Европа есть собственно полуостров Азии, и потому она с последнею составляет одно целое, одну часть света – которая, по всей справедливости, может носить еще название Азийско-Европейского материка» [18, с. 1]. Здесь еще возможен диалог с автором на уровне «приятия/неприятия» идеи. Однако дальше следует длинный перечень «сугубо научных» фактов, сухих цифр, естественнонаучных (и потому имеющих воздействие как авторитетных, верифицируемых) материалов, «выявленных» географических и климатических факторов, которые вне данного текста и контекста, возможно, совершенно достоверны, но здесь постепенно заставят работать

самые различные идеологические грани основного тезиса, и автор становится в положение ученого-оракула: «По площади это самый обширный из всех материков. Занимая приблизительно 52872519 кв. км он значительно превосходит свою величиною обе Америки (38.334.100), Африку (29207100) и Австралию (7695726). Еще несравненно важнее значение Азийско-Европейского материка по численности и культуре населения... За исключением самобытной цивилизации древнего Египта, получившего, впрочем, свое население и начала образованности, несомненно, из Азии и не раз подолгу игравшего важную роль в Азии, и затем недоразвившейся образованности старой Мексики и Перу, – все, что поныне создано человечеством замечательного и великого в религии и философии, в искусствах, науках, промышленности, в общежитии, в государственном и международном праве, принадлежит всецело племенам и народам Азийско-Европейского материка» [18, с. 1]. Показательно, что автор двигается в построении аргументации от цифр и географии к культуре и цивилизации: система охватывает все уровни бытия этносов – от биологических основ до социальной психологии. Просвещенному адресату этого текста крайне сложно возражать цифрам и фактам науки, а, следовательно, остается только принять истинность выдвинутого тезиса – как видим, идея становится идеологемой.

Она позволяет на целом корпусе неопровержимых и разнообразных научных фактов выстроить концепцию национального характера, и здесь в центре внимания оказывается важнейший действующий субъект – Россия: христианско-направленному социальному характеру людей «Среднего мира»¹, по мысли В.И. Ламанского, свойственны «безграничное стремление к свободе духа во всех проявлениях человеческой деятельности, полнейшее уважение к достоинству и правам человеческой личности, без различия полов, званий и состояний, сознание внутренней обязательности для каждой, без исключения, личности самоосуждения, раскаяния, самопожертвования и братского благоговения к людям» [18, с. 51]. Таким образом, «совершенно логично» Российская империя в тексте Ламанского становится естественным и постоянным центром культурно-географического и политического тяготения этого разнообразного в этнографическом отношении мира.

Итак, интерес к географии не случаен. Геополитические построения Ламанского имеют, как видим, форму проекта, который подлежит, в первую очередь, виртуальной реализации, то есть реализации в сфере представлений. Это в какой-то мере подтверждает сам ход дальнейших изысканий ученого. Любопытна его работа «Набросок плана будущего Русского этнографического музея» (1901), в которой данный проект обогащается идеей деления России на 13 особых антропо-политико-географических зон. Здесь перед нами – попытка «означить означаемое», создать модель, которая будет имитировать некую материальную, неабстрактную форму идеи Ламанского, и, отражая, будет утверждать ее истинность.

Показателен также факт участия В.И. Ламанского в энциклопедическом проекте, который уже по своей природе связан с «объективным» научным знанием,

---

¹ «Срединный мир», по В.И. Ламанскому, – «не настоящая Европа и не настоящая Азия... там где Азия уже кончается, но Европа еще не начинается» [16, с. 51].

с одной стороны, и с представлениями социума – с другой. Под общим руководством П.П. Семёнова-Тян-Шанского¹, В.И. Ламанского и его ученика В.П. Семёнова-Тян-Шанского² выходило многотомное издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (1899–1914) [23], которое давало большие возможности для перевода пространственных идеологем «научного знания» в массовое сознание.

Как видим, если в первой половине XIX в. в российской науке идеологемы конструируются учеными, а присваиваются опосредованно политиками, то во второй половине столетия ученые, утратив связь с первоначальным проектом, сами начинают превращать их в остаточные идеологемы националистического дискурса. Заметим, что смещение наших собственных исследовательских установок на саморефлексию, на изучение самого процесса формирования идеологем, а также механизмов трансляции их в последующие эпохи позволит деконструировать остаточные идеологемы национализма в современном общественном сознании.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (№ МК-3684.2007.6).

Summary

N.I. Nedashkovskaya. “Europe is properly a peninsula of Asia...”: Spatial Ideologemes in Research Texts of the 19th-century Slavists.

The article views the process of transformation of geographical conceptions connected with the settling of Slavonic tribes in Europe into ideologemes of nation building. Investigation is carried out on the materials of research texts of 19th-century Russian Slavic studies. An attempt is made to form a typology of such ideologemes and deconstruct them in the context of 19th-century Imperial Russia social conceptions development.

Key words: history of Slavistics, national Renaissance of Slavs, genesis of Slavonic tribes, spatial ideologema.

Литература

1. *Майорова О.* Славянский съезд 1867 года: Метафорика торжества // Новое лит. обозрение. 2001. – № 51. – С. 232–256.

---

¹ Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (до 1906 года – Семёнов) [2 (14) января 1827 – 26 февраля (11 марта) 1914] – русский географ, ботаник, статистик и общественный деятель. Вице-председатель и глава Русского географического общества (с 1873 г.) и Русского энтомологического общества (с 1889 г.). Почётный член Петербургской Академии наук (1873 г.). Член Государственного совета (1897 г.). В 1856–1857 гг. исследовал Тянь-Шань. Инициатор ряда экспедиций в Центральную Азию. В 1859–1860 гг. участвовал в качестве члена-эксперта в работе Редакционной комиссии по подготовке крестьянской реформы 1861 г. Организатор первой переписи населения России в 1897 г.

² Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский [27.3 (8.4).1870, Петербург, – 8.2.1942, Ленинград], географ и статистик. Сын П.П. Семёнова-Тян-Шанского. В 1893 г. окончил естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. В 1919–1937 гг. профессор Ленинградского университета и других высших учебных заведений, одновременно директор Центрального географического музея в Ленинграде (существовал с 1932 до 1938 гг.). Принимал активное участие в проведении первой переписи населения России в 1897 г., затем работал в статистических учреждениях (в 1905–1917 гг. – начальник статистического отдела министерства финансов и промышленности). В 1899 г. под его редакцией начало выходить издание «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» (из 22 запланированных томов до 1914 г. вышло 19).

2. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. – М.: Новое лит. обозрение, 2003.
3. *Todorova M.* Imagining the Balkans. – N. Y., 1997. – 240 p.
4. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 423 с.
5. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. Г. Косикова, Б. Наумова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
6. *Macura V.* Znamení zrodu. Cesko obrození jako kulturní typ. – Praga: Československý spisovatel, 1983. – 540 s.
7. *Kulecka A.* Miedzy slowianofilstwem a slowianoznawstwem. Idee slowianskie w zyciu intelektualnym Warszawy lat 1832–1856. – Warszawa: Wydawnictwo NERITON, 1997. – 232 s.
8. *Neumann I.B.* The Uses of the Other. «The East» in European Identity Formation. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.
9. *Миллер А.* Тема центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое лит. обозрение. – 2001. – № 52. – С. 284–312.
10. *Макарова (Недашковская) Н.И.* Академик А.Х. Востоков: проект науки о славянском мире // Мир Клио: Сб. статей в честь Л.П. Репиной / Под ред. О.В. Воробьевой. – М.: ИВИ РАН, 2007. – Т. 2. – С. 135–150.
11. *Шафарик П.* Славянские Древности. Т. 1 / Пер. с чеш. О. Бодянского, изд. М.П. Погодиным. – СПб., 1837–1848.
12. *Григорович В.И.* Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах. – Ч. 1: 1 и 2 эпохи. – Казань: Унив. тип., 1843. – 110 с.
13. *Ламанский В.И.* О распространении знаний в России. – СПб., 1857.
14. *Ламанский В.И.* О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. – СПб., 1859.
15. *Ламанский В.И.* Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях. – СПб., 1865.
16. *Ламанский В.И.* Об историческом изучении Греко-Славянского мира в Европе. – СПб., 1865.
17. *Ламанский В.И.* Secrets d'état de Venise. – SPb., 1884 (текст на франц., итал. и лат. яз.).
18. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. – СПб., 1892.
19. *Ламанский В.И.* Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник. Критические заметки. – Пг., 1915.
20. *Ламанский В.И.* набросок плана будущего Русского этнографического музея. – СПб., 1901.
21. *Липтева Л.П.* В.И. Ламанский и славянская тема в русских журналах рубежа XIX – XX веков // Славянский вопрос: вехи истории. – М., 1997. – С. 118–129.
22. *Данченко Е.В.* Научная деятельность, исторические и общественно-политические взгляды В.И. Ламанского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 22 с.
23. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настол. и дорож. кн. для рус. людей / Под ред. В.П. Семенова и под общ. рук. П.П. Семенова, вице-пред. Русского геогр. о-ва и проф. В.И. Ламанского, пред. Отд-ния этнографии Русского геогр. о-ва. – Т. 1–19.

Поступила в редакцию
10.09.08

Недашковская Надежда Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы Казанского государственного университета.
E-mail: N.Nedashkovskaja@mail.ru